

Мениск

Светел и чист был лик её, равно как и тот молодой преуспевающий банкир был низок и к тому же слаб мышцами души; я часами молчал, глядя на колыхающуюся ворсинку на её одежде, хотя проходило всего лишь тридцать три ступени ревности ее мужа, всего лишь тысяча двадцать четыре трапециевидных импульсов пробежали внутри одного мгновения, и я наполнял себя тем самым теплой полнотой.

Рысканье приводило меня к девиации, и каждый шаг удалял от ели и приближал к туе. За версту я чувствовал коленкой непогоду и приближение чужой старости, и мне хотелось быть с Марфой, ибо я возвращаю молодость и здоровье.

– Стронций – сказал Аврелий Кутуевич и странно покосился на Чечена. Тот смачно отрыгнул и выразительно скривился.

Я по-прежнему был с нею и тёк алкогольной кровью к ее сердцу, потом от сердца вниз, к животу, и дальше. Её ушами я слышал Аврелия Кутуевича, хотя понимал, что сейчас планетарный конгресс, надрывая сухожилия, сражается с предметом бессловия, где на чужбине людей светят ледяные паутинки запрещенного паукообразного облака. Вспоминаю я, как это облако в былые времена было ручьем горьких слез моей дочери. Кажется, это было вчера. Нет. Определенно это было вчера. Они многозначительно смотрят в реку, а я указываю в небо. Всё именно так и случилось.

Тем временем банкир Аврелий приспособился к дивану и сделал умный вид, дабы создать впечатление влиятельного и вместительного человека в метафизической плоскости. Ромбы и зигзаги на его галстуке поблескивали своими контурами, и он еще раз кивнул, на этот раз медленней:

– Да-да, пиши, Марфочка. Должно подойти. Сы ты ры он цый. Раз, два, три, пять, семь, восемь букв, – гундосил он, загибая пальцы.

Неужели продолжается в этом мире какая-то вера в числа? Разве не заповедал я не верить им? Разве велел считать? Иное было в словах моих, и в жестах, и во взглядах. Семейные обстоятельства порой вынуждают идти на разведку, но не видно теперь. Туман.

Бескрайние просторы ограничены им, и мы никогда не можем быть за туманом. Затуманность каждого покоится за одной из касательных эпюры давления на сознание человека во время совещания с самим собой Главным, самим собой Честным и самим собой Желаящим. Простынь бессознательного тогда комкается, пачкается и порою рвется. В этом суть, казалось бы. Но нет.

– Стронций не подходит, – скучающим голосом ответила она.

Свет от люстры был скудным. Однако чудесным образом все лучи сбегались

на ней, делая её очарование еще более волнительным. Она была осенью, яркой и, насколько это возможно для осени, пылкой. И моей, хоть я ею никогда не обладал.

Думаю, Чечен был доволен всем. Туя теперь служила ему источником тени. Я же снова был внутри себя и говорил связанные в высоких слоях логичности слова. Случайно я уловил собственный внешний поток и изумился, ведь то были мысли незнакомого мне человека:

– .. следует совершать ошибки, чтобы щитовые улыбки ориентировались не на зеркало, а на забрало, и слишком мало великолепия в цепи каждодневных понедельников, быть кочевником с...

Тут я прервал себя и приступил ко вдоху. Вновь увидел паукообразное облако, вновь ощутил, как изначальные существа, которые когда-то были молодыми и искали свои отражения в ручье горьких слез, теперь рассыпались в небе.

Муж Марфы, Канифолий, вернулся из длительного похода то ли на балкон, то ли в туалет, и сдержанно выразил мнение, что кроссворд – забава весьма неинтересная.

Сразу после логической точки в этой фразе он направил глупые, полные ревности глаза на меня, я же видел остров новых надежд, я видел робкие начинания будущего, и срисовывал их себе в память, чтобы потом помочь людям. Каждый росток давал всходы, и это заставляло меня сейчас растекаться кровью внутри Марфы; личико ее порозовело, и даже ушки – чуть-чуть.

– Что ж, Канифолий, как разведка? – поинтересовался банкир.

– Милиция стоит у второго подъезда, – отлепляя от меня свой неприязненный взгляд, произнес Канифолий.

Кажется, волокна ткани нашей с Марфой общности начали натягиваться и лопаться. Она заговорила с мужем, я же кочевал то ли по степи, то ли по полю, то ли по пустыне, то ли по мегаполису. Всюду пусто.

Тени и медузы снуют. И мальчики с клеем. И ветер. Костер никак не зажжется. Компас сошел с ума. Кроткая попытка стать полюсом была вознаграждена Вселенской злобой и ухудшением моего характера. Зато я подарил компас своей дочери, чтобы она знала, как меня найти.

Чечен захрапел. Это внесло новые краски в эмоциональную обстановку общей беседы. Впрочем, мне надоело быть вентилятором разговора, и я решил переквалифицироваться в простую мельницу. Но ветер был только в тех краях, где костер потух, и угли грели лишь землю и кирпичи.

Что-то ожидало меня. По-прежнему все ждали, чтобы молчание перестало говорить в рупор храпа, разглядывая потолок, диван, тую, ёлку, батарею, меня. Кажется, я был интересней всего, потому что ловил своим телом больше взглядов чем даже Чечен, и сейчас мне это было то ли приятно, то ли неприятно.

Она смотрела в глаза, и вновь мы сделались близкими, и я опять чувствовал давление в ее ножках, ручках, горле, голове. Она не флиртowała, не кокетничала, не играла со мной, как было в первые пять минут нашего знакомства. Нет. Она

была искренняя и спокойная, и я читал в ее глазах всё, а наклон ее бровей и нюансы щек объясняли мне, что муж ей осточертел, и что она хочет быть со мной, но не будет. Наконец, Аврелий Кутуевич сказал, что курс нынче очень скачет и в этом-то вся и беда. Каждый поддакнул, даже я сказал, что скакун из него никудышный. Все, кроме, разумеется, Чечена, поглядели на меня выжидательно. Я махнул рукой, будто отгонял назойливых мошек и устремил взор в окно.

Канифолий спросил у жены якобы тихо, не желает ли она вместе с ним удалиться из квартиры. Я приготовился к худшему, но продолжал смотреть на улицу, прислушиваясь к шепоту волн и к рокоту приближающегося цунами, но, не смея отвлечься от звуков квартиры, где пока стоял лишь храп, схожий с ворочаньем штормовых волн.

Тихое «нет» обрушило на меня галлоны облегченья, я окунулся в океан, который стал мной. Сфера влияния моей тишины сошлась на мне, и я начал смотреть немое кино. Анатолий Кутуевич важно открывал и закрывал рот, изредка застывая с раздутыми щеками и изображая, будто слушает ответы Марфочки или Канифолия.

Поверхность сферы моей тишины начала искажаться, деформироваться, и я услышал арфу и далеких жаб, с неведомого болота, которое, быть может, теплилось в холодных глазах Канифолия.

Наконец, я перестал видеть Аврелия Кутуевича и двух людей, которые в глубокой действительности были друг другу совершенно незнакомы и неизвестны. Я не знал прежде те формы, что лицезрел теперь, но прежде я смутно догадывался о чем-то таком, и было приятно теперь наблюдать и любоваться.

Арфа стала каким-то металлическим лязгом, жабы стали мотором. Я обрастал очевидным желанием быть кому-то необходимым. Стоило задуматься о тех событиях, что ожидали меня в будущем, как начинала ныть правая коленка, что отнюдь не означало, что меня ждет долгий путь или, допустим, бои без правил. Скорее это значило неприятие интерференции, которая из будущего доходила неестественными красками и блеском. Мой мозг, казалось, с каждым новым стуком сердца увеличивался, и коленка начала проходить. Формы прекратили мельтешить, танцевать и строиться, и сквозь них открылся мне унитаз.

Когда я освободился от лишнего, когда стало оно прошлым и враз забытым, мне вернулся праздник. Прямые линии изгибались и вертелись, пунктирились, утолщались и сужались, и, будучи суженными, сквозь эту образованную марлю, позволили мне заметить, как жестом мне предлагал присесть, с трудом отталкивая тяжелые свои щеки уголками толстых губ, банкир Аврелий. Чечен уж не спал, не дремал, но бодрствовал и лил жидкость из сосуда, в которых обыкновенно держат водку.

Марфы и Канифолия в комнате было не видать. Аврелий Кутуевич заверил, что в квартире оные молодые люди отсутствуют, что сам руками своими закрывал за ними дверь, провожал, что сам же открыл Маркизу Жу-жу и Ночной Фее.

Упомянутые находились тут же, где ранее размещались покинувшие мою обитель молодожены, и махали мне нарочито сильно, с большим диапазоном колебаний рук-маятников. По всему было ясно, что подозревают они во мне пьяного или же чего похуже. Глупцы!

О них мне было известно, что где-то в четвертом часу они ушли, обещаясь вернуться скоро, и, судя по их счастливым физиям, где-то празднично уединялись.

Вокруг Ночной Феи искрилось туманное сияние, схожее с сиянием Марфы, что ассоциативно вызвало у меня видение Марфы, тусклое и уплывающее. Чувства мои к ней так же тускнели. Я даже распереживался по этому поводу, слезы так и покатались из глаз, но скоро их запас иссяк, и я восполнил его, выпив со всеми из рюмок горькую.

Соленый огурчик захрустел под моими крепкими зубами забавно преображая речь Маркиза Жу-жу: «Я опять к нему с хухткр хырткх. А он мне и курч-кыст. Я только и понял, что чуф крыт».

Я почесал глаза, но стоило мне их на секундочку прикрыть, как тут же вспыхнули числа, с помощью которых надобно привести Вселенную в порядок. Чисел было много, и каждую необходимо было запомнить, ибо иначе можно допустить ошибку и переместить небо или вылить океан на луну, или же одеть на дом намордник, или же заставить человека на тридцати семи с половиною ногах ходить, а то и бегать, и не исключено было, что круговорот завершился бы, что курица стала бы яйцом, что палка стала бы об одном конце, да и кабы спутать число какое, то можно не увидеть в себе зеркало, не познать в своей жизни семьдесят восьмой женщины. А ежели не познать в своей жизни ее, то и смысла-то нет в том огурчике, в сиянии, в изначальных тварях и туге. Числопад зачастил, а затем закончился нулем.

Ночная Фея улыбнулась своему Маркизу, а тот ее приобнял. Я почувствовал себя одиноким и депрессивным. От последнего сделалось гадко-гадко, что аж передернуло, и я пустился в пляс. Танцевал недолго – пару тройку движений сделал да и повеселел изрядно. На душе потеплело.

Предо мною предстали три девы красоты неписанной. Хотя я бы их портреты написал бы в обязательном порядке, если бы был художником. Пели песни сладкие, сахарными устами мне улыбались игриво, подмигивали многозначительно.

Потом исчезло все, и увидел я себя, глядящего в выключенный экран телевизора.

– Мистер Винтик, – обратился ко мне Маркиз Жу-жу, – не втыкай ты в ящик. Расскажи что-нибудь. Давно тебя не видел.

Но говорить у меня страстного желания не было, о чем я и промышал. В моих думах возникли новые цепочки и связи, глубина и объем которых сразу не проглядывались; я только чувствовал, что это новая многомерная мысль, из которой родится многомерное действие сиречь жизнь, и смаковал отдельные ее, этой мысли, грани и ребра, и наполнился нетерпеливым ожиданием. Еще я думал

затылком, что такой объем поглотил меня не спроста, что только тогда, когда выпустил из себя образ Марфы, вслед за числами сюда пришло прежде чуждое, но теперь свое, родное, единственное и огромное.

Затылок мой, когда я вскользь обратил на него внимание, покоился на подушке. Чечен рассказывал матерные стишки, остальные ржали, как жирафы. Зазвонили в дверь.

Колокола на огромной башне трезвонили всё громче. Батюшка в рясе, с крестом на шее катался на веревках, подвязанных к их языкам, хохоча и дрыгая ногами.

Церковь на фоне якорей, торчащих из земли то там, то тут, освещалась закатным сиянием, была особенно загадочной, мистической и таинственной. Потом она превратилась в узор на обоях, изображающих пляж, и я отвел от обоев взгляд, встретив им посреди комнаты новоприбывших.

То были Андрей и Петр. Оба трезвые как линзочка Френеля, унылые и усталые. Поздоровались со всеми; и со мной за руку перетряслись. Разговор возник и по маломасштабной экспоненте стих на нет.

Из разговора стало ясно, что год они встретили у Михалыча, о чем жалеют и раскаиваются передо мною. Посчитав отсутствие реакции с моей стороны добрым знаком и высшим актом всепрощения, оба сначала присели размашисто, а после устроились в положении, близком к горизонтальному и тихонько, что явно было появлением отменного воспитания, засопели.

Меж тем радостные Маркиз Жу-жу и Ночная Фея завели разговор о способах вхождения в состояние нирваны. Каждый делился тем, что он когда-либо читал, слышал, видел, с умными эзотерическими интонациями, а я, как обычно во время таких мистерий, посмеивался про себя, сам делая лицом эзотерическую задумчивость и вспоминал предыдущее свое погружение в ноль. Как удавы ели друг друга, превращаясь в одного, как тот крутился внутри огромной женщины, давая ей жизненную энергию, и как женщина смотрела по сторонам на крошечных людишек и низко бормотала себе в нос, давя их своими шестипалыми ножищами. Я был среди них, и мне хотелось, чтобы нога судьбы раздавила и меня. Но огромная женщина ступала медлительно и мимо, будто специально игнорируя меня. Ее пренебрежение скоро надоело, и когда я со скуки принялся рассматривать людишек вокруг себя и себя самого, то заметил, что я побольше да посветлей, нежели остальные камарупы.

Тогда оторвал у впереди стоящего голову и съел ее. Мне прибавилось сил и весу. Да и от скуки не осталось и следа. Тут же стало интересно и голодно. Аппетит страшный. Съел всех соседей, но и на этом не остановился. Все рос и ширился я, и мой аппетит со мной. Когда, наконец, вырос размерами вровень с женщиной, она меня заметила, потянулась ко мне, но я был проворней и резким движением руки вырвал закольцованного змея из ее живота. Женщина рассыпалась светом, а удава я съел, и слишком поздно до меня дошло, что я не женщина, что змей раскольцует и сожрет меня изнутри. Так и случилось, я, наконец, стал ничем. Абсолютное ничто. Абсолютное все.

Поле. Пшеничное. Стебли ходят туда-сюда, колышутся, волнуются волнами, и ветер дует. Это я дышу глубоко, размеренно. Волосы Андрея шевелятся, треплются, вьются. Длинные волосы. Светлые.

– Видал, Винтик, что у меня есть? – Чечен держал в руках фруктонарезалку с идиотским выражением лица, которое, надо было думать, означало гордость.

Что творилось в голове Чечена, понять даже приблизительно было невозможно. Радости его были беспричинны, рассуждения путаны, сам он был дальтоником, и, по-моему, вместо мозгов у него была каша. Овсяная.

Чтобы Чечен отстал, я сыгнорировал его вопрос и пошел поближе к обществу Маркиза, Феи и неизменного Аврелия.

Аврелий Кутуевич после жуткого Чечена казался благороднейшим, просвещенным мужем с тремя высшими образованиями. Чтобы влиться в общение, я его перебил и сообщил, что скоро уже полдень, и что скоро всё изменится. Все понимающе кивнули, а Фея спросила, не осталось ли мандаринок. Я пошел искать – уж больно растрогал меня вопрошающий ее взгляд.

На кухне у холодильника я обнаружил лужу неизвестного происхождения. На нижней полке холодильника валялся недочищенный мандарин, который я стал на ходу дочищать и возвратился, протягивая его внутреннее тельце Ночной Фее, а сам стал поглядывать часы.

Когда я ожидал какой-либо временной константы, не раз случалось со мной, что ускорение времени становилось отрицательным. Так вышло и сейчас. При тщательном рассмотрении окружающей энтропии, я выяснил для себя, что приращение плотности информационного потока визуально становилось блеклым, редким и квелым. Секундная стрелка лениво пружинилась на месте, а затем тащилась к следующей отметке.

– Вот кууллллёоммаа... – медленно подумал я и решил отправить внутреннего созерцателя на следующий энергетический уровень, которому свойственна частота в сотни раз превышающая нормальную.

Сразу удалось моргнуть, и стрелка перестала лениться. Мое состояние было теперь прозрачным, но не банально умиротворенным. В каждом я узнавал что-то хорошее и красивое. Внутренним обонянием я вдыхал симфонию запахов цветков, прорастающих в каждом; ощущал любую легкую вибрацию тончайших мембран. Я немного гордился собой, поскольку лично участвовал в проектировании и создании этих мембран из материала, синтезированного из паукообразного облака.

Но я не уполномочен чистить сосуды, к горлышкам которых крепятся мембраны. Я могу лишь догадываться, в какую сторону направлен мениск их содержимого. А раньше я легко разбивал и менял эти сосуды на более новые...

Слегка выныривая из ядра своей сущности, чтобы поразиться миру, я выхватывал остановившиеся картинки: Маркиз Жу-жу с улыбкой до ушей, Ночная Фея в красочном сиянии, глядящая в сторону Маркиза, Аврелий с открытым ртом и закрытыми глазами, Чечен, открывающий бутылку вина фрукторезалкой вместо штопора, накрывший пледом всего себя с головой

Андрей и свернувшийся калачиком около ели Петр, вытесненный с дивана Андреем.

Снова часы. Без одной минуты двенадцать.

До моих ушей донесся звук будильника, который я поставил у себя на мобильнике. Он нарастал, я трезвел, пробуждался, приходил в себя. Чтобы убедиться, что все правильно, я достал телефон, а затем выключил звук. Все, кроме Петра и Андрея, бросали взгляды на часы, меня, друг на друга, и принялись, в конце концов, осматривать каждый самого себя.

Затем мы начали возбужденно делиться впечатлениями. Правда, ничего вразумительного в этой многоголосице не прослеживалось. «Вот это да!», «Ого!», «А у меня! У меня!..», «Фууух...», «Здорово!», «Не бывало», а также другие, в том числе матерные, возгласы.

От шума проснулся Андрей, хотел было повернуться на другой бок, но любопытство взяло верх, и он, потеряв лицо пьяным манером, приподнялся на локтях и своим сонным баритоном спросил: «Что случилось?» и был услышан. Все на секунду замолчали, а затем рассмеялись. Смеялся и я. Нервный такой смех. Нездоровый. Руки немного дрожали.

Смех перешел в болезненное хихиканье, и никто из нас не мог полностью остановиться. Я налил себе соку и, несмотря на то, что обычно при таком заразном смехе пить ничего не получается, и даже опасно, я его выпил, и был первым, кто успокоился. Увидев, как я смог сдержать приступы хихиканья, мои друзья последовали моему примеру.

Андрей хотел что-то еще сказать, но я перебил его, понимая, что его реплики будут вызывать в нас смех:

– Кто расскажет о себе?

– Ух!.. – начал веско Филипп и завис на пару секунд, – тут неясно, с чего начинать. Да и рассказывать можно бесконечно.

Остальные поддакнули.

– Ну, я был императором, – сказал Игорь, – сидел на троне и управлял миром. В основном. Бывало еще, я превращался в пингвина, и мы всей стаей катались по коже от мандарина как по снегу, и ныряли в океан.

– Удивительно, что обо всех думал только в игровых именах, – сказал Филипп, и эти слова заставили меня удивиться, ведь то же было и со мной, но теперь у меня едва выходило вспомнить, кто какое имя носил.

– Я был астрономом, который стал космонавтом. Искал звезду. Звездой оказалась Настенька.

Они поцеловались.

– А я, – тихим голосом сказала Настя, – была косточкой внутри неизвестного фрукта. Всё ждала, когда попаду в благодатную почву и...

– А я был нефтяником. При чем в Африке. И еще я умел летать, – высказался Дима.

– Ну, а я был то ли богом, то ли ангелом, – сказал я и позвонил Нине. Она не взяла. А ее мужу звонить не хотелось.

Андрей прокашлялся и матерно сообщил, что ничего не понял.

– Нужно было праздновать с нами, а не у Михалыча! – осуждающе ответил я.

Он пропустил мимо ушей мой тон и сменил тему:

– А что это за бэйджики? Мистер Винтик...

Я снял свой бэйдж, положив на тумбочку. Следом за мной начали класть свои бэйджи остальные. Андрей комментировал:

– Аврелий Кутуевич... Маркиз Жу-жу... Ночная Фея... Чечен... Чей мозг сгенерировал такое? – говорил Андрей, смеясь.

– Нам посоветовали этот набор имен, – ответил я и посмотрел на то место, которое освободила, чтобы положить свой бэйдж на тумбу, Настя. Чуть дальше, на шторе, неизвестно кто повесил гирлянду, которая плавно меняла свой цвет.

– Кто посоветовал? – спросил Андрей.

– КОМ, – сказал я и добавил, упреждая всякие переспрашивания, – Клуб Объемного Мыслезвучия.

Я пытался вспомнить всё, что со мной происходило, но это было похоже на попытку вспомнить сон. Получалось отрывочно.

Андрей спрашивал что-то еще, ребята отвечали ему.

Настя села на свое место. Мерцание гирлянды причудливо обрамляло силуэт и делало ее более объемной.

– Ладно, ладно... Понял, – так ничего и не поняв, сказал Андрей, – Вы мне вот что объясните – нафиг вам туя и искусственная ёлка? Не многовато?

– Не годится встречать Новый Год без елки! – громко ответил Филипп.

– Без елки-то ладно, пусть и искусственной, но туя-то зачем? – он подошел к туе, основание ствола которой было зажато между шкафом и дверцей.

– Да это в одиннадцать часов, за час до Нового Года, Филе стукнуло в голову, что без елки нельзя. Ну, мы и пошли на рынок искать, может, заваялась какая-никакая ветка, – объяснял я.

– И что?

– Не нашли ничего. По дороге подошли к туе, Филя верхушку отломал и засунул под куртку.

– Зачем?

– Как зачем? Ёпсель-мопсель! Штрафы знаешь какие?! – бойко ответил Филипп.

– И пришли сюда. А тут уже елка эта стоит. Керзовский сбегал домой за ней.

– А где, кстати, Керзовские-то?

– Керзовскому надоело тут, и он увел с собой Нину, – сказал Игорь.

– Интересно, что они переживали и кем были, – произнесла Настя.

Заворочался и проснулся Петр.

Скоро вновь начались разъяснения, а я пошел на балкон покурить. Ныла правая коленка, тем самым организм показывал, как ему необходим сон, но я прекрасно понимал, что даже останься я один, чего очень хотелось, я не смогу уснуть из-за этой же коленки.

Не спеша я докурил сигарету, выбросил тлеющий бычок и закрыл окно.

На запотевшем неровном стекле, где когда-то я обрисовывал выпуклости стекла, похожие на сердечки, думая о Нине, образовалась мутность, слегка прихваченная морозом. Она напоминала очертаниями паука в центре паутины. Сквозь этот узор я увидел, как по заснеженной улице в сторону моего дома идет в своей желтой шапочке Нина, одна, без мужа. На душе было непонятно.

Виктор 78, 2009